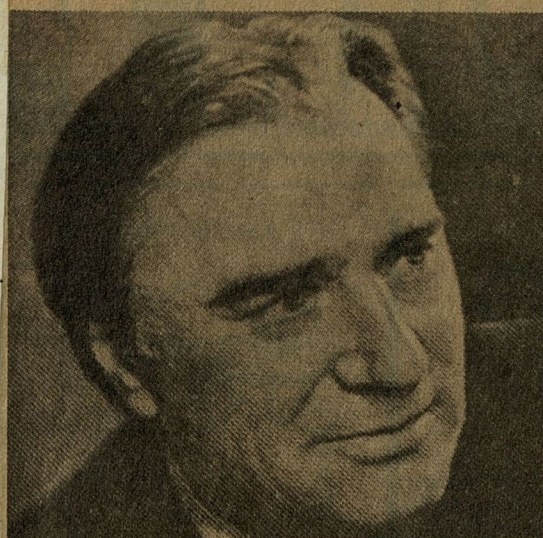

встреча с интересным человеком

**Егор Александрович
ИСАЕВ,**

поэт, лауреат Ленинской премии, секретарь правления Союза советских писателей.

Молодость Егора Александровича Исаева совпала с войной. Восемнадцатилетним он ушел на фронт, а после победы еще долго служил в армии. Уже тогда начал писать стихи, которые печатались в армейских газетах.

Егор Исаев, наверное, больше всего известен читателям как автор поэм «Суд памяти» и «Даль памяти», за которые в 1980 году ему была присуждена Ленинская премия. Творчество поэта близко и понятно каждому: он говорит о проблемах войны и мира, исследует истоки русского национального характера. Широко известны и публицистические выступления Егора Исаева.

Наш сегодняшний разговор — о роли и месте поэзии в нашей жизни, о гражданственности поэтического творчества.

«Не на престиж, а на достоинство»

— Егор Александрович, мы встречаемся с вами в дни, когда страна отмечает знаменательный юбилей СССР, и, конечно, с этой волнующей темы и хочется начать разговор.

— Испокон веков люди мечтали о том времени, когда, как сказал поэт, народы, распри позабыв, в единую семью объединятся. И вот распри позабыты и народы объединились в большую семью — Союз Советских Социалистических Республик. Но мало сказать — распри позабыты. Нет, они не только позабыты, они категорически и навсегда отвергнуты. Распри не в характере наших народов, не в характере самого социализма. Наше братство, наше единение были достигнуты в борьбе, в мужественной защите от всего, что враждебно нам.

— Наш читатель ищет в литературе ответы на самые глубокие жизненные вопросы. Ему важно, чтобы писатель был на гребне, на стремнине действительности. Вот и в ваших стихах читателя с самого начала привлекало к себе их гражданское звучание.

Мы знаем немало примеров, когда молодой, даже талантливый поэт начинает с очень камерных стихов. Что определило направленность вашей поэзии?

— Прежде всего, что такое гражданственность? Я боюсь, что если мы слишком часто и не к месту будем употреблять это слово — смысл отойдет. Будет один звук, «барабан» останется. А гражданственность — не один инструмент человеческой души, а громадный оркестр. Гражданственность — это подлинность в большом и в малом, в трепетном и громком слове. Это способность постоять за добро, верность слову: не клянись трижды, а дал слово — сдержи его. Гражданственность — это истинная человечность, все, что составляет понятие человека в прекрасном значении. Гражданственность — это убеждение, мировоззрение.

Что же определило гражданственность моей поэзии?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Прежде всего повлияла на меня мать. Она человек неграмотный, научилась писать, когда умер отец и надо было отвечать на письма детей. Писала медленными, печатными буквами. Но неграмотность ее была относительной, душой-то она многожды университеты закончила. Душой-то она человек удивительно богатый, мудрый. Именно мать привила мне любовь к нашим полям, к природе, к песне.

Повлиял и отец. Да и все те люди, вместе с которыми я работал, воевал. Так что образование мое было не столько классным, сколько классовым, глубоко народным. Само время учило гражданственности. Учила жизнь.

— Егор Александрович, у каждого художника творческий путь складывается по-разному. Ваша молодость совпала с войной, и, наверное, начало было нелегким?

— Знаете, так уж случилось, что на моем пути встречались хорошие люди, они-то и помогли. Я начал писать, вернее, сочинять стихи (потому что тогда я их именно сочинял) в 1945 году, когда служил в советских войсках за границей. Тогда же писал заметки в солдатскую газету. И однажды решился, послал туда стих, риторический какой-то. Через несколько дней ко мне подошел старший лейтенант, а теперь мой друг Юрий Белят, и поинтересовался, какое у меня образование. Вскоре я был переведен в редакцию этой газеты. По сути, это и было началом. А потом — демобилизация, Литературный институт, в который помог мне поступить Юрий Бондарев, тогда еще не известный писатель, а студент третьего курса, тоже недавний фронтовик.

Меня часто спрашивают, как я стал поэтом. Я вот что думаю: далеко не каждый, кто рано познает себя поэтом, становится

им. Потому что нельзя сначала ставить профессиональное, а потом одарованное, сначала университетское, а потом жизненное. Такая позиция ошибочна. Ведь что порой получается у некоторых молодых авторов? Жизненного багажа мало, а эстетической энергии избыток. И вот она сама становится материалом. Но это тот конь, который не везет. А нужно прежде всего жить, размышлять, удивляться, и уж если тебе жизнь подскажет, что ты можешь работать со словом, — пожалуйста, работай!

— Егор Александрович, в последнее время нередко говорят и пишут о затишье, даже об упадке в поэзии. Не слышно новых интересных имен...

— Когда много говорят об упадке или подъеме, мне хочется улыбнуться. Потому что почти всегда оценка дела опережает сам факт дела. Мне кажется, наши читатели просто избалованы.

— ?

— Да, я считаю, что у нас в стране большая поэзия. Как в количественном, так и в качественном отношении. Нигде в мире так много не читают стихов, так много не пишут, так много не издают стихов. И поэтов у нас много хороших, и пишут они на хорошем профессиональном уровне, и темы поднимают интересные. Но повысился также и читательский уровень. Читатели ждут чего-то особенного. А наша поэзия пребывает сейчас в состоянии высокой ровности. Вот вершин новых, действительно, пока нет.

— А отсутствие «вершин» не снижает ли, по-вашему, престиж поэзии? Не является ли это толчком к массовому отходу от поэзии? Вот и к нам в редакцию идет огромный поток поэзии без поэзии.

— Я думаю, что само движение к стихам — уже есть поэзия. Правда, тяготение к красоте не всегда создает красоту, для этого нужен талант. А тут, видимо, талант иного рода — читательский. Но, может, именно он иногда толкает читателя взяться за перо... Это как раз и подтверждает то, что читательский уровень стал выше. И я устаю и устаю от стихов; в издательстве их издавал, преподаю в Литературном институте. Казалось бы, всем своим существом должен противостоять потоку. Меня же тревожит другое — а вдруг пропадет желание человека быть прекрасным, поэтичным, романтическим...

И все же не надо тяготение к чтению стихов принимать за поэтический дар. Не стоит губить читательский талант неудачным сочинительством. Лучше оставаться просто благодарным читателем.

— Кстати, о Литературном институте. Вы в свое время его окончили и уже много лет ведете в нем творческие семинары. Что дает литературная учеба? Мне кажется, на поэта выучить нельзя...

— Это верно. На поэта выучить нельзя. И поэтому мы редко принимаем в институт прямо со школьной скамьи. А уж если такие приходят, лично я отношусь к ним недоверчиво. Это хорошие и, может, одаренные люди, но у них еще, по сути, не было жизни. Вот и получается то, о чем я уже говорил: поэзия эха, отзвука, поэзия перевода, а не подлинника.

У меня учились и шоферы, и рыбаки, и даже один охотник-промисловик. Это люди с богатым жизненным багажом, со своим отношением к жизни. Вот таким институт дает общение друг с другом, возможность посмотреть на себя со стороны. Дает познание в себе таланта, осознание его не как привилегии, а как тяжелой работы и великой обязанности. Талант — это насколько счастье, настолько, может быть, и несчастье. Ведь это трудное дело — быть по-настоящему талантливым. Талантом страдать надо, как любовью. Страдать, как это прекрасно знают женщины: весна,

цветы, а потом начинается страда, полевая страда, и боль, и тяжесть, и не всегда урожай прекрасной.

— Егор Александрович, ваша поэма «Даль памяти» посвящена деревне. Да и по всему вашему творчеству чувствуется, что вы ее очень любите.

— Не надо, хватит разъединять! Давно уже сказано, и не только сказано, но и показано в гербе нашем, что поле — городское, а город — полевой. Хватит говорить, что город — это культура, театр, полноценная жизнь. Мы немного здесь переборщили. И это сказало на людях, особенно на молодежи: вот у станка постоять — это престижно, а рядом с матушкой-кормилицей Зорькой — не престижно. Слово-то какое утвердилось — престижно!

Мы вначале говорили о гражданственности. Отношение к труду — это тоже гражданственность. Везде надо работать. И особенно уважаемый труд должен быть в поле. Потому что небо — это все-таки не крыша, солнце — оно сегодня греет, а завтра нет. И от того, как там, в поле, сработается, зависит, сможем ли мы вот так сидеть и говорить о поэзии.

Для этого я и написал поэму «Даль памяти». Чтобы никто себя не выделял. Все мы деревенские, если не во втором поколении, так, в третьем, все мы — от Миклуша Селяниновича. Меня что интересует: насколько мы сохраним даль памяти в поколениях — любовь к этим облакам, травам, к тому, что мы пережили. Даль памяти не назад, а вперед. Я хочу, чтоб деревня была молодой, чтоб там детишки бегали, смеялись.

— Для этого делается сейчас очень многое. В сегодняшней деревне немало добрых перемен. Взять хоть наше Подмоскovie. Его облик, сельский облик, если так можно сказать, в последнее время изменился, помолодел.

— Да, этих перемен нельзя не заметить. И в Подмоскovie, и в других местах. А езжу я много, много общаюсь с людьми. И такие встречи для меня очень важны, для меня — это вторая сторона познания жизни. Это прежде всего работа, и нелегкая.

У меня есть давнее правило. Когда я иду на встречу с аудиторией, я всегда думаю, что меня ждут люди умные, горячие, неравнодушные. И я иду к ним не профессорствовать, а разговаривать на равных. Общаюсь с живой аудиторией, нельзя говорить с листа. Иначе люди не поверят, что ты неравнодушен к тому, о чем говоришь, что ты пришел сюда чему-то учиться. Нельзя терять чувство студента, надо чувствовать себя немного второкурсником — многое уже узнано, но многое еще и незнано. И не надо стыдиться, что ты чего-то еще не знаешь, чего-то еще недовыразил. Нельзя говорить формулами, стандартами.

Это, кстати говоря, относится ко всей нашей печати, к устной и письменной пропаганде. Непосредственно общаясь с людьми или же заочно, со страниц газет, нельзя декларировать, надо говорить. Жизнь бесконечна в своем познании и богаче любого слова. И познать ее можно только в общении, а не когда одна сторона говорит, а другая — помалкивает.

— Егор Александрович, после выхода вашей последней поэмы прошло несколько лет. Не буду задавать вам традиционный вопрос о ваших творческих планах. Но хотелось бы знать, какие проблемы волнуют вас сейчас как человека, поэта, гражданина?

— Более всего меня волнуют проблемы нравственные, проблема взаимоотношений людей. Я хочу, чтоб люди были добрее, богаче сердцем, не стеснялись своего лица, не надевали масок, были умными, но не умствовали, работали бы не на престиж, а на достоинство.

Беседу вел
М. РЯБОЧЕНКО.